

А.С. ШИШКОВ И В.А. ЖУКОВСКИЙ ОБ А.Д. КАНТЕМИРЕ

© 2024

Д.П. Ивинский

Ивинский Дмитрий Павлович, SPIN-код: 1116-5627, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1), dmitrij_ivinskij@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 7.06.2024

Статья принята к публикации: 5.09.2024

В статье обсуждаются различные аспекты восприятия литературного наследия А.Д. Кантемира В.А. Жуковским и А.С. Шишковым в 1803–1813 гг. Несмотря на то что Жуковский и Шишков по-разному оценивали возможности и перспективы развития литературной ситуации в России, Кантемир оказался для них своего рода объединяющей фигурой: они оба воспринимали его как родоначальника новой русской литературы, как глубокого знатока европейской литературной традиции и исключительно одаренного поэта, чьи сочинения и в начале XIX в. не утратили ни актуальности, ни художественной выразительности. Гипотеза Ю.В. Стенника о скрытой полемике с Жуковским в статье Шишкова «Кантемир» (1813) рассматривается как недостаточно обоснованная и при этом слишком прямолинейно ориентированная на традиционные, но не в полной мере адекватные реальности представления о том, что своеобразие русской литературной ситуации в начале XIX в. было обусловлено противостоянием «архаистов» и «карамзинистов». В действительности это противостояние лишь часть более сложной реальности, и разногласия литературных партий в ряде случаев оказывались менее значимыми, чем внутрипартийные. Показательно, что одним из наиболее значимых элементов литературного фона посвященной Кантемиру статьи Шишкова является его книга «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803), в которой он отстаивал мнение о непреходящем значении Кантемира, споря с Я.А. Галинковским, который уже в то время дистанцировался от «карамзинизма», а позднее состоял в той же «Беседе любителей русского слова», что и сам Шишков.

Ключевые слова: А.С. Шишков, В.А. Жуковский, А.Д. Кантемир, «Беседа любителей русского слова».

Если придерживаться привычного взгляда на историю русской литературы первой четверти XIX в., то придется признать, что место Жуковского в литературной жизни эпохи в значительной степени обусловлено явлением в свет шишковского «Рассуждения о старом и

новом слог» (Шишков 1803), полемикой вокруг него, а в дальнейшем оформлении своего рода «оппозиции» «Беседе любителей русского слова» в лице «Арзамаса», от которого без особого труда прикладываются пути к «пушкинскому кругу писателей» и к противостоянию если не «классиков» и «романтиков», то «архаистов» и «новаторов». Этой схеме иногда придается чрезмерное значение: в действительности «архаизм» и «новаторство» причудливо переплетались в пределах всех сегментов литературного пространства, и при этом на одну схему всегда накладывались другие, на логику борьбы – вкусовые предпочтения, на вкусовые предпочтения – религиозно-мистические, литературно-эстетические, идеологические, и ни одна из них не укладывалась в как бы то ни было понимаемую «партийность»: она всегда ценилась меньше, чем индивидуальность и независимость, а любые размежевания не исключали сложной игры образов относительного единства литературной жизни.

Именно независимость была условием и подоплекой любых литературных союзов, по крайней мере, в кругу Жуковского и А.С. Пушкина [Ивинский 1994, с. 4], а к литераторам, не понимавшим, что она такое, принято было относиться если не презрительно, то несочувственно. Без учета этого обстоятельства сложно понять, почему, например, Н.И. Гнедич, над которым подчас иронизировали в «Арзамасе» и который был близок к «Беседе» (и, вероятно, вошел бы в нее, если бы не ссора с Г.Р. Державиным [Альтшуллер 2007, с. 97–107]), в полемике с А.С. Грибоедовым почти апологетически отозвался о сочинениях Жуковского [Гнедич 1816, с. 3–7], князь П.А. Вяземский, будучи связан с ним дружескими отношениями, критиковал его «Собрание русских стихотворений» [Вяземский 1878, с. 1–2; Гиллельсон 1969, с. 21–22], Пушкин, ученик Жуковского, ценил сочинения П.А. Катенина [Миллер 1900], не воспринимавшего Жуковского как большого поэта [Веселовский 1904, с. 256, 536], пригласившего с Грибоедовым и не оценившего «Горя от ума» [Катенин 1911, с. 8], а «новатор» Жуковский старательно избегал литературных полемик и при этом менее всего был склонен к односторонности или предвзятости; не случайно он сугубо комплиментарно оценил басни «архаиста» И.А. Крылова [Жуковский 1809], после чего поддерживал близкие к дружеским отношения с ним несколько десятилетий.

На счету Жуковского и еще, как минимум, одна «странность» – апологетическая статья о Кантемире, которую он напечатал в 1810 г. в редактировавшемся им тогда совместно с Каченовским «Вестнике Европы» вместе со статьей М.Н. Муравьева, которого считал своим учителем [Жуковский 1810; Муравьев 1810]. Последнее обстоятельство представляется немаловажным: необходимо принять во внимание и то, что от Муравьева тянется линия к Хераскову, и то, что интерес Жуковского и к Муравьеву, и к Хераскову, приемный отец которого, князь Н.Ю. Трубецкой, был тесно связан с Кантемиром и вместе с ним входил в т.н. «ученую дружину», был обусловлен и иначе – дружбой с братьями Тургеневыми, чей отец, И.П. Тургенев, занимал выдающееся место в ряду мистиков херасковского розенкрейцерского круга [Ивинский 2018, с. 8–9, 145–148]. Эта сложная система связей все еще нуждается в детальном исследовании, но само ее существование не может быть поставлено под сомнение, как и консолидирующее значение наследия Кантемира в русской литературе конца XVIII – начала XIX в.: оно было одним из факторов сохранения ее сколь угодно относительного единства.

Но вернемся к «архаистско – новаторской» схеме. Если исходить из нее, статья Жуковского о Кантемире требует дополнительных разъяснений: с чего бы «карамзинисту» и «новатору» заниматься архаикой, причем в каком-то смысле более глубокой, чем архаика Сумарокова, Ломоносова и даже Тредиаковского? Возможность ответа на этот вопрос сравнительно недавно попытался обосновать Ю.В. Стенник, решившийся вписать статью Жуковского в привычную картину противостояния двух литературных партий и по этой причине заявивший, что текст Кантемира оказался репликой в ходе современной полемики, поскольку Жуковский «предложил» «такую трактовку произведения, за которой отчетливо проглядывает соотнесенность персонажей Кантемировой сатиры с противниками Карамзина, и прежде всего с самим Шишковым» [Стенник 1987, с. 136].

Внимание Ю.В. Стенника привлекло рассуждение Жуковского о первой сатире: «Эта Сатира была написана против тех, которые своею привязанностию к старинным предрассудкам противились распространению наук, введенных в пределы России Петром Великим. Сатирик, имея в предмете осмеять безрассудных хулителей просвеще-

ния, вместо того, чтобы доказывать нам логически пользу его, притворно берет сторону глупцов и невежд, объявивших ему войну, выводит их на сцену, и каждого заставляет говорить языком, приличным его характеру. Таким искусным расположением Стихотворец избавил себя от сухости и однообразия. Мы видим несколько забавных чудаков, которые нелепыми рассуждениями своими еще более привязывают нас к тому предмету, который хотят унизить и обезобразить в глазах наших [Жуковский 1810, 5, с. 51].

Теперь приведем сопроводительный текст Стенника: «В этом комментарии каждое слово наполнено определенным смыслом, прекрасно улавливавшимся современниками. В обстановке <...> полемике ссылки на “чудаков”, выступающих с “нелепыми рассуждениями”, были настолько прозрачны, что не могли вызывать сомнений относительно их истинных адресатов» [Стенник 1987, с. 136–137].

Здесь придется напомнить, что Жуковский только повторил то, что говорилось до него. Ср., например: «<...> сочинил он первую сатиру, не имея еще двадцати лет от роду; к чему подало ему материю упорство, которое многие оказывали против учреждений Петра Великого. Ревность к распространению наук не позволяла ему быть нечувствительным при затверделых ложных мнениях своего народа. Обращая оные в посмеяние, думал, что стыд может быть то произведет, что от размышления тщетно ожидать надлежало» [Барков 1762, с. 4]¹¹.

Конечно, то, что говорилось в отдаленное время, во времена новые может получить дополнительный смысл, в том числе полемический. Но в статье Жуковского нет ничего, что указывало бы на его стремление возобновить какую бы то ни было старую полемику или начать новую, а как именно отреагировали на предполагаемый Ю.В. Стенником аспект содержания статьи Жуковского современники, остается невыясненным. Однако реакцию Шишкова Стенник

¹¹ Связь тем Кантемира и Петра I была зафиксирована еще Н.И. Новиковым, словарь которого был хорошо известен и Шишкову, и Жуковскому, ср.: «Россия сожалела и нем, как о ревностном распространителе учреждений Петра Великого <...>» [Новиков 1772, с. 86]. Этот текст вошел в биографию Кантемира, изданную Новиковым спустя десять лет [Бауэр 1783, с. 335].

попытался воссоздать: «То, что выпад Жуковского достиг цели, подтверждается поведением Шишкова. Статья Жуковского о Кантемире появилась незадолго до официального оформления “Беседы любителей русского слова”. В первых же номерах <...> “Чтений в Беседе любителей русского слова”, Шишков начал публиковать свой “Опыт о российских писателях для чтения в “Беседе”” <...>. Второй очерк цикла был посвящен Кантемиру. После сжатого изложения биографии сатирика и перечисления его сочинений Шишков довольно обстоятельно рассматривает сатиры Кантемира <...>. Особый интерес для нас представляет итоговое заключение, которым Шишков сопровождал обзор I сатиры, что на фоне других выглядело как исключение. В этом по-своему программном заключении отчетливо проглядывают следы рассмотренной выше полемики. Так, после обобщенной оценки сатиры Шишков разъясняет ее значение в контексте тех задач литературы, которые, по его мнению, не утратили своего значения и к началу XIX в.» [Стенник 1987, с. 137]¹².

Далее следует фрагмент статьи Шишкова, относящийся к этой первой сатире Кантемира, который Ю.В. Стенник приводит с сокращениями, а мы процитируем полностью: «Из ней ясно видим мы, что со введением наук вошли вместе к нам и бездумные чужим землям подражания и обезьянства, сделавшие нас и внутри и снаружи непохожими на самих себя. Видим, что если были у нас старинные невежи, отвергавшие науки, то скоро появились и такие новые невежи, которые вместо наук перенимали *парики с узлами*, предпочитали Сенеке *фунт доброй пудры* и думали, что портной *Рекс* может сделать их отличными в Государстве людьми. Сомнительно, которые из сих невеж одни других глупее. Но как бы то ни было, Сатира ясно показывает, что сии заморские семена уже и в тогдашнее время, т. е. скоро после посева своего, крепко расплодилось и по<->видимому гораздо плодороднее были, чем семена полезных знаний и наук» [Шишков 1813, с. 15].

¹² Не очень понятна роль неточностей в этом пассаже о «поведении Шишкова»: девятый номер журнала «Беседы» явно не один из «первых» (другое дело, что из-за войны он вышел позднее, чем предполагалось: цензурное разрешение было дано еще 20 августа 1812 г.), «исключением» рассуждение Шишкова о первой сатире не выглядело, поскольку плавно переходило в рассуждение о второй [Шишков 1813, с. 15–16].

Комментарий исследователя предельно краток: «Полемический оттенок последних слов очевиден, и статья Жуковского может рассматриваться как наиболее вероятный объект заключенного в них намека» [Стенник 1987, с. 137].

В данной версии нет ничего фантастического: в конце концов, почему бы Шишкову, пишущему о Кантемире, не ответить Жуковскому, уже о нем написавшему? Однако сразу несколько обстоятельств мешают с ней согласиться, даже с учетом того, что она оформлена подчеркнуто необязательным образом («может рассматриваться» означает, что может и не рассматриваться).

Во-первых, Шишков не принадлежал к числу авторов, пользующихся в полемических целях намеками и подразами: если он нападал, то всегда открыто.

Во-вторых, он говорил не об отдельных авторах или статьях, а о социальном явлении, которое ему представлялось достаточно угрожающим и при этом охватившим примерно столетие русской жизни; целесообразность сужения постановки вопроса до смысловых границ статьи Жуковского не очевидна.

В-третьих, Шишков, признающий глупцами не только «новых невеж», но и «старинных», и в этом вполне соглашаясь с Жуковским (если действительно его текст он имел в виду), далек от мысли приравнять его и его единомышленников к людям, чьи интересы ограничены париками, пудрой и нарядами. Шишков говорит о том, что последних «по-видимому» больше, чем тех, кто усвоил «полезные знания и науки», и вряд ли в этом замечании следует усматривать попытку оспорить результаты петровской культурной революции: сетования Шишкова выглядят общим местом на фоне огромной литературы, осмеивавшей галломанию, петиметров и смежные явления. Другое дело, что вряд ли мы сейчас сможем установить, в какой мере Шишков учитывал эту традицию, которой, несомненно, сочувствовал¹³. Впрочем, фрагменты текста первой сатиры Кантемира, которую

¹³ Напомним лишь, что, например, пудра и Сенека в соответствующих контекстах фигурировали в «Чудаках» Я.Б. Княжнина: «Болван, распудрен весь, душист и распещрен. <...> Речами – попугай, поступком – обезьяна; <...> В помадах и духах и в пудре благовонной <...>» [Княжнин 1961, с. 468; 510]; и о философе-стоике: «Плюю я на всех твоих Сенеку» [Княжнин 1961, с. 439]. Любопытно, что и Н.М. Карамзин не обошел

обсуждает Шишков, затрагивают не только пионеров русской галломании (ср.: «Хочешь ли судьбою стать? вздень парик с узлами, / Брани того, кто просит с пустыми руками» [Кантемир 1762, с. 11]). Ясно, что здесь идет речь не о щеголях, а о мздоимстве судейских, что еще дальше уводит нас от Жуковского.

В-четвертых, и это самое важное, Шишков только кратко повторил то, что уже было им в гораздо более пространным варианте напечатано задолго до статьи Жуковского, которая, судя по всему, здесь вообще ни при чем: «<...> когда сообщением своим сблизилась с чужестранными народами, а особливо Французами, тогда вместо занятия от них единых токмо полезных наук и художеств, стали перенимать мелочные их обычаи, наружные виды, телесные украшения, и час от часу более делаться совершенными их обезьянами. Все то, что собственное наше, стало становиться в глазах наших худо и презренно. Они учат нас всему: как одеваться, как ходить, как стоять, как петь, как говорить, как кланяться, и даже как сморкать и кашлять. <...> Явились их престрашные толпы; стали нас брить, стричь, чесать. <...> Мы учителей своих побеждаем оружием, а они победителей своих побеждают комедиями, романами, пудрою, гребенками» [Шишков 1803, с. 351–354].

Попытка оспорить эти заявления Шишкова, носившие программный характер, состоялась вскоре после выхода в свет первого издания его книги [Макаров 1803], а вскоре последовала и шишковская антикритика, касавшаяся, в частности, «сближения с чужестранными народами» в Петровскую эпоху: «Благодарим виновников просвещения нашего: благодарим Великого Петра, что он принудил нас украшаться знаниями! – (знаниями, а не заимствованием пустых вещей и пороков. Петр Великий желал науки преселить в Россию, но не желал из Россиян сделать Голландцев, Немцов или Французов; не желал рус<с>ких сделать не рус<с>кими)» [Шишков 1804, с. 164].

Вернемся к статье Жуковского. Здесь сказано, что Кантемир – философ, моралист, живописец нравов, освоивший разнообразие

пудру, говоря, впрочем, не о своих соотечественниках, а о прогуливающих в Тюльери: «<...> кавалеры и дамы, с которых пудра и румяна сыплются на землю» [Карамзин 1984, с. 219]. О «париках с узлами» в связи грамматикой ср.: Ломоносов 1787, с. 156.

форм, поэт древний по языку и стиху, новейший по глубине погружения во всю, древнюю и новую, литературную традицию, по искусству выражения: «Сатиры Кантемировы можно разделить на два класса: на *философические* и *живописные*; в одних, и именно в VI, VII, Сатирик представляется нам Философом моралистом; а в других (I, II, III, V) искусным живописцем людей порочных. Мысли свои, почерпнутые из общежития, выражает он сильно и кратко и почти всегда оживляет их или картинами, или сравнениями; все характеры его изображены резкою кистию: иногда, может быть, замечаешь в его изображениях и описаниях излишнее обилие. Формы его весьма разнообразны; он или рассуждает сам, или выводит на сцену актеров, или забавляет нас вымыслом, или пишет послание. По своему *языку* и *стопосложению* Кантемир должен быть причислен к стихотворцам старинным; но по *искусству* он принадлежит к новейшим и самым образованным. Читая сатиры его, видишь пред собою ученика Горациев и Ювеналов, знакомого со всеми правилами стихотворства, со всеми превосходными образцами древней и новой поэзии» [Жуковский 1810, 5, с. 53–54].

Этот вопрос о Горации и Ювенале как образцовых авторах, на которых ориентировался Кантемир, Жуковский рассматривает подробно, склоняясь к выводу о том, что русский поэт осуществил своего рода синтез наследия двух древних поэтов; вместе с тем он ближе к Ювеналу: «И в самых планах своих Кантемир имеет более сходства с Ювеналом, нежели с Горацием: характер последнего есть неприужденность и разнообразие; характер Ювенала порядок – такой же порядок находим и в Кантемировых планах: если, например, Сатирик начинает рассуждать, то уже во все продолжение Сатиры не переменяет тона, и переходит без великих скачков от одной мысли к другой; начиная изображать характеры или описывать, он вводит вас, так сказать, в галерею портретов, расставленных в порядке, и показывает их один за другим: все это; вероятно, могло бы произвести некоторое однообразие, когда бы Сатирик не имел истинно стихотворного слога, не оживлял своих рассуждений картинами и не был живописец превосходный» [Жуковский 1810, 6, с. 144–145].

Шишков вполне мог иначе расставить акценты, например, смягчив звучание самой темы «ученичества», но сама постановка вопроса не могла быть им отвергнута, ср.: «Кантемир подражал в некоторых

местах Латинским сатирикам Ювеналу и Горацию, а в других Французскому Буало, но если бы сии стихотворцы жили после него, то, конечно, в подобных сему местах, собственно Кантемиру принадлежащих, не отреклись бы подражать ему <...>» [Шишков 1813, с. 28]. Впрочем, и Жуковский далек от прямолинейности: упомянув о Буало, он обходит вопрос о зависимости Кантемира от него, утверждая, что французский поэт не меньше, чем Кантемир, зависел от тех же Горация и Ювенала [Жуковский 1810, 3, с. 209].

Неизбежный вопрос о читательской судьбе Кантемира не затрудняет Жуковского: слог Кантемира отпугивает только тех, кто привык к легкому чтению, не требующему усилий, однако прочие, готовые потрудиться, смогут и полюбить стихи Кантемира, и наслаждаться ими: «Кантемир принадлежит к немногим классическим Стихотворцам России; но редкий из Русских развертывает его Сатиры, ибо старинный слог его пугает читателя, который ищет в стихах одного легкого удовольствия. Кантемира можно сравнить с таким человеком, которого суровая наружность сначала не предвещает ничего доброго, но с которым надобно познакомиться короче, чтоб полюбить его характер и потом находить наслаждение в его беседе» [Жуковский 1810, 3, с. 199].

Итак, искусство Кантемира самое современное и «образованное», но язык и стиль «старинные». Могла ли вторая часть этого утверждения вызвать неудовольствие Шишкова?

В его статье содержится развернутое и совсем не простое рассуждение именно на эту тему, без упоминаний о Жуковском или о ком бы то ни было еще: «Заключим из сего чтения Кантемировых сочинений, что те несправедливо рассуждают о сем знаменитом стихотворце, которые думают, будто слог его устарел и не может более приносить удовольствия читателям. Хотя слух наш (можно сказать, по несчастию) приучен к некоторой единообразной в стихах мерности, к некоторым не только новым оборотам и выражениям, но даже мыслям изнеженным и весьма удаленным от силы и простоты древних писателей; однако же ум наш не должен походить на глаза наши, которыми по большей части управляет привычка, и которые сего дня любят красные, а завтра голубые цветы. В науках и словесности знание долженствует быть гораздо постоянное, иначе оно не будет *зна-*

ние. Кантемир останется навсегда таким стихотворцем, которым Российская словесность по справедливости гордиться может» [Шишков 1813, с. 53–54].

Как видим, Жуковский и Шишков считают Кантемира современным поэтом, однако Жуковский – в отношении искусства, но не языка и стиха, а Шишков не отрывает одно от другого, апеллируя к знанию: только на него может опереться культурная память, без которой нет ни наук, ни словесности. Но ведь мы только что видели, что Жуковский проблематизировал только «легкое удовольствие» от чтения Кантемира, заявив при этом, что при более внимательном и серьезном к нему отношении возможно «находить наслаждение в его беседе». В сущности, расхождения Жуковского и Шишкова не только не имеют непримиримого характера, но и очень близки, они скорее единомышленники, чем противники¹⁴.

Почему же тогда Шишков не упомянул о статье Жуковского о Кантемире? И кого он имел в виду, говоря о тех, «которые думают, будто слог его устарел и не может более приносить удовольствия»? Ответ на первый вопрос напрашивается сам собой: обычно так поступают, когда исходят из представления о собственном приоритете. У Шишкова были для этого все основания: еще в «Рассуждении о старом и новом слоге» он отстаивал значение Кантемира, полемизируя с

¹⁴ Сходным образом несколько слов, сказанных Карамзиным о Кантемире в «Пантеоне Российских авторов», перекликаются с мнениями Шишкова. Карамзин: «В стихах Кантемировых нет еще истинной меры – долгие и короткие слоги смешаны без разбора – но гармония их довольно приятна. <...> Кантемир имел острый взор для замечания тайных сгибов человеческого сердца и легкое перо для описания своих замечаний» [Карамзин 1802]. Ср.: «А. Кантемир также писал особым стопосложением, не наблюдая в стихах той правильности и падения, какие ныне наблюдаются. Притом же он подражал Латинским и Французским писателям. Б. Все это правда; однако ж он был первой Русский стихотворец, по крайней мере из тех, которые нам известны. Сочинения его при всей своей неправильности исполнены ума, остроты и воображения. Он подражал Горацию и Боало Деспрею, но имел собственный свой дар живо изображать вещи, и даже то, что и от них брал, умел облекать в Русскую одежду. Многие стихи его суть самые естественные черты искусной живописи» [Шишков 1811, с. 43].

не названным им автором: «В некоторой книге случилось мне прочесть следующее: "Есть непременно и должно быть искусство писать. Это искусство не может существовать, поддерживать себя без природного дарования; но оно может недоставать природному дарованию. Доказательством сему послужат многие писатели, родившиеся с самыми счастливыми расположениями к стихотворству, и которые однако ж никогда не знали *искусства писать стихи*. – Таковы бесспорно были *Князь Кантемир и Тредиаковский*. У обоих было довольно *Поэтического ума*, довольно *Энтузиазму*, охоты, однако ж полвека проходит, как они осуждены совершенно не иметь читателей". Хотя Сочинитель сих строк говорит о сем весьма утвердительно, как то показывает употребленное им слово *бесспорно*, однако ж (с позволения его) я весьма различного с ним мнения о сих двух Российских писателях. Мне кажется Тредиаковский и Кантемир не токмо несходны, но даже совсем противны между собою. Я не знаю, довольно ли было в них Поэтического ума и Энтузиазму (слово сие в Российском языке я худо понимаю), но ведаю, что между ими есть превеликая разность, а именно: Тредиаковский был трудолюбивый Переводчик, посредственный Сочинитель, довольно искусный в знании слов языка своего, но не знавший, в чем состоит приличность, сила и красота слога. В рассуждении же стихотворства был он хотя и весьма худой Стихотворец, однако ж такой, которой ввел стопосложение в Российские стихи, и первый писал анапестами и дактилями. Кантемир напротив того был весьма хороший Стихотворец, но сочинял Сатиры свои в такое время, когда еще у нас стопосложение и мера в стихах не наблюдались» [Шишков 1803, с. 407–408]¹⁵.

¹⁵ Жуковскому тоже пришлось решать вопрос о приоритетах; «Рассуждение о старом и новом слоге» он хорошо знал, но опираться на него не хотел и вышел из положения, напечатав уже упомянутый в начале нашей заметки «кантемировский» существенно более ранний «разговор мертвых» М.Н. Муравьева, в котором Гораций рассуждал о Кантемире как о своем последователе и прибавлял: «Ты открыл им поприще писмен, и останешься более известен тем, что ты был первой стихотворец своего народа, нежели тем, что ты представлял величество его в Англии и Франции» [Муравьев 1810, с. 106–107; Муравьев 1810а, 1, с. 350–351; впервые: Муравьев 1790]; последнее издание, степень распространения

Неназванный автор идентифицируется без труда: это Я.А. Галинковский (1777–1815), в 1802 г. приступивший к изданию своего сборника «Корифей или Ключ Литературы», в первой части которого находится пассаж, привлечший неблагосклонное внимание Шишкова [Галинковский 1802, с. 32–33]. Литературная биография Галинковского все еще недостаточно исследована, однако нам известно, что он скорее не противник, а союзник Шишкова, во всяком случае, сотрудник Державина, а его отношение к Карамзину, как иногда считается, «сделалось резко критическим» около 1801 г., т.е. ко времени начала издания «Корифея» [Лотман 1988, с. 193–194; ср.: Лотман 1992, с. 516]. Свой текст 1803 г. Шишков отнюдь не считал устаревшим: он был переиздан в том же 1813 г., в котором увидела свет обсуждаемая нами статья Шишкова, без каких бы то ни было изменений [Шишков 1813а, с. 392–393], а затем, уже после смерти Галинковского, в 1818 г. [Шишков 1818, с. 392–393], и, конечно, в составе собрания сочинений [Шишков 1824, с. 317–318], и вновь никаких поправок не последовало: полемика с Галинковским осталась в неприкосновенности, статья Жуковского учтена не была.

Так от образа «партийной» полемики Шишкова с Жуковским мы пришли к некоторой реальности – к полемике Шишкова с Галинковским, «членом сотрудником» второго разряда «Беседы любителей русского слова» [Предупреждение 1811, X]; дополнительная пикантность ситуации заключается в том, что «Корифей» Галинковского, из которого Шишков выписал обсужденный выше фрагмент, подвергся разгромному разбору в том же «Московском Меркурии», что и шишковское «Рассуждение о старом и новом слоге», и разбор этот осуществил тот же автор [Макаров 1803а]; позднее не только Шишков, но и Галинковский удостоился насмешек в «Арзамасе» [Арзамас 1933, с. 100]. Отдельный вопрос – история восприятия Галинковским сочинений Шишкова и причины крайне резкого отзыва о нем в 1805 г. [Лотман 1959, с. 238–239]; вряд ли можно сомневаться в том, что одной из них был обсужденный нами комментарий Шишкова к суждениям Галинковского о Кантемире.

которого не очевидна, мне известно только по экземпляру ГПИБ без пагинации, правленному рукой автора (электронная копия: https://rusneb.ru/catalog/000207_000017_RU_RGDB_BIBL_0000359899/ (дата обращения 01.08.2024)); см. также: СК, 268.

Источники

Арзамас 1933 – Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933.

Барков 1762 – <Барков И.С.>. Житие Князя Антиоха Дмитриевича Кантемира // Сатиры и другие Стихотворческие Сочинения Князя Антиоха Кантемира, с историческими примечаниями и с кратким описанием его жизни. СПб., 1762. С. 1–14.

Бауэр 1783 – История о жизни и делах Молдавского Господаря Князя Константина Кантемира, сочиненная С.<->Петербургской Академии Наук покойным Профессором Беером, с российским переводом и с приложением Родословия Князей Кантемиров. М., 1783.

Вяземский 1878 – Полное собрание сочинений Князя П.А. Вяземского. Т. 1. СПб., 1878.

Галинковский 1802 – Корифей или Ключ Литературы. Ч. 1. СПб., 1802.

Гнедич 1816 – <Гнедич Н.И.>. О вольном переводе Бюргеровой баллады: Ленора // Сын Отечества. 1816. Ч. 31. № 27. С. 3–22.

Жуковский 1809 – <Жуковский В.А.>. Басни Ивана Крылова. С. Петербург. В типографии Губернского Правления, 1809 // Вестник Европы. 1809. С. 35–67. Подпись: Ж.

Жуковский 1810 – <Жуковский В.А.>. Критический разбор Кантемировых Сатир, с предварительным рассуждением о Сатире вообще // Вестник Европы. 1810. № 3. С. 199–214; № 5. С. 42–61; № 6. С. 126–150. Подпись: Ж.

Кантемир 1762 – Сатиры и другие Стихотворческие Сочинения Князя Антиоха Кантемира, с историческими примечаниями и с кратким описанием его жизни. СПб., 1762.

Карамзин 1802 – Пантеон Российских авторов. Ч. 1. Тетрадь 2. М., 1802.

Карамзин 1984 – Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984.

Катенин 1911 – Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину. (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века). С вступительной статьей и примечаниями А.А. Чебышева. СПб., 1911.

Княжнин 1961 – Княжнин Я.Б. Чудаки // Княжнин Я.Б. Избранные произведения. Л., 1961.

Ломоносов 1787 – <Ломоносов М.В.>. Суд Российских писмен перед разумом и обычаем от грамматики представленных // Лекарство от скуки и забот. Еженедельное издание Федора Туманского. 1787. № 46. С. 153–158.

Макаров 1803 – Макаров П.И. Критика на книгу под названием: Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка – напечатанную в Петербурге, 1803 года, в 8 долю листа // Московский Меркурий. 1803. № 12. С. 155–198.

Макаров 1803а – <Макаров П.И.>. Корифей, или ключ Литературы. С. П. Б. 1802 и 1803 г. В 12 Частьях, в 8 д. л. // Московский Меркурий. 1803. № 7. С. 42–55.

Муравьев 1790 – Муравьев М.Н. Разговоры мертвых. СПб., 1790.

Муравьев 1810 – <Муравьев М.Н.>. Два разговора в царстве мертвых // Вестник Европы. 1810. № 6. С. 103–108.

Муравьев 1810а – Опыты Истории, Словесности и Нравоучения. Сочинения Михайлы Никитича Муравьева, изданные по его кончине. Ч. 1–2. М., 1810.

Новиков 1772 – Опыт исторического словаря о Российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий. Собрал Николай Новиков. СПб., 1772.

Предупреждение 1811 – Предупреждение // Чтение в Беседе Любителей Рус<с>кого Слова. Книжка первая. СПб., 1811. С. I–XIII.

СК – Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725 – 1800. Т. 2. М., 1964.

Шишков 1803 – <Шишков А.С.>. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1803.

Шишков 1804 – <Шишков А.С.>. Прибавление к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка, или собрание критик, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные. СПб., 1804.

Шишков 1811 – Разговоры о словесности. Сочинение Александра Шишкова. СПб., 1811.

Шишков 1813 – Шишков А.С. Опыт о Российских писателях для Чтения в Беседе. II-й. Кантемир // Чтение в Беседе Любителей Рус<с>кого Слова. Чтение девятое. СПб., 1813. С. 3–54.

Шишков 1813а – <Шишков А.С.>. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1813.

Шишков 1818 – <Шишков А.С.>. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1818.

Шишков 1824 – Собрание сочинений и переводов. Адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена. Ч. 2. СПб., 1824.

Литература

Альтшуллер 2007 – Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007.

Веселовский 1904 – Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.

Гиллельсон 1969 – Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969.

Ивинский 1994 – Ивинский Д.П. Князь П.А. Вяземский и А.С. Пушкин. Очерк истории личных и творческих отношений. М., 1994.

Ивинский 2018 – Ивинский Д.П. М.М. Херасков и русская литература XVIII – начала XIX веков. М., 2018.

Лотман 1959 – Лотман Ю.М. Писатель, критик и переводчик Я.А. Галинковский // XVIII век. Сборник 4. М.; Л., 1959. С. 230–256.

Лотман 1988 – Лотман Ю.М. Галинковский Яков (Иаков) Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л., 1988. С. 192–194.

Лотман 1988 – Лотман Ю.М. Галинковский, Галенковский Яков (Иаков) Андреевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. <Т.> 1 (А–Г). М., 1992. С. 515–516.

Миллер 1900 – Миллер В.К. Катенин и Пушкин // Пушкинский сборник. Статьи студентов Императорского Московского Университета под редакцией проф.<ссора> А.И. Кирпичникова. М., 1900. С. 17–40.

Стенник 1987 – Стенник Ю.В. Статья Жуковского о «Сатире и сатирах Кантемира» и ее место в литературной полемике 1810 – 1810 годов // Жуковский и русская культура. Сборник научных трудов. Л., 1987. С. 126–137.

SHISHKOV AND ZHUKOVSKY ON KANTEMIR

Dmitry P. Ivinsky

Lomonosov Moscow State University

The article discusses various aspects of the perception of A.D. Kantemir's literary heritage by V.A. Zhukovsky and A.S. Shishkov in 1803–1813. Despite the fact that Zhukovsky and Shishkov assessed the possibilities and prospects for the development of the literary situation in Russia differently, Kantemir turned out to be a kind of unifying figure for them: they both perceived him as the founder of a new Russian literature and a deep connoisseur of the European literary tradition and an exceptionally gifted poet, whose writings at the beginning of the XIX century lost neither their relevance nor artistic expressiveness. We assume that Iu.V. Stennik's hypothesis on the hidden polemic with Zhukovsky in Shishkov's article "Kantemir" (1813) was insufficiently justified and at the same time too straightforwardly oriented towards the traditional, but not fully adequate to reality, ideas that the uniqueness of the Russian literary situation at the beginning of the XIX century could be explained by the confrontation of "archaists" and "Karamzinists". In fact, this confrontation was only a part of complex reality, and the disagreements of the literary parties in some cases turned out to be less significant than the intraparty ones. It is important that one of the most crucial elements of the literary background of Shishkov's article was his book "Reasoning about the old new syllable of the Russian language" (1803), in which he defended the opinion about the enduring meaning of Kantemir, arguing with Ia.A. Galinkovski, who already distanced himself from "Karamzinism" at that time, and later participated in the same "Conversation of lovers of the Russian word" as Shishkov himself.

Keywords: A.S. Shishkov, V.A. Zhukovsky, A.D. Kantemir, «Beseda Lubiteley Russkogo Slova».